

В. Назаревский

**Чтения для московских
фабрично-заводских рабочих**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Назаревский**
Чтения для московских фабрично-заводских рабочих / В. Назаревский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 132 с.

ISBN 978-5-458-08482-6

Русская история. Чтения для московских фабрично-заводских рабочих.

ISBN 978-5-458-08482-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

женія подѣ именемъ Александры въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, опять никто не заговорилъ о *выборѣ государя* и, по слову начальнаго челоуѣка—патріарха, всѣ готовы были безъ выборнаго сейма присягнуть правителю государства Борису Феодоровичу Годунову, какъ царю. Если же былъ созванъ избирательный земскій соборъ, то этого хотѣлъ никто другой, какъ самъ Годуновъ, думавшій, что избраніе соборомъ сдѣлаетъ его родъ прочіе на престолѣ, чѣмъ одно провозглашеніе народомъ и

Борисъ Феодоровичъ Годуновъ. По Титулярнику.

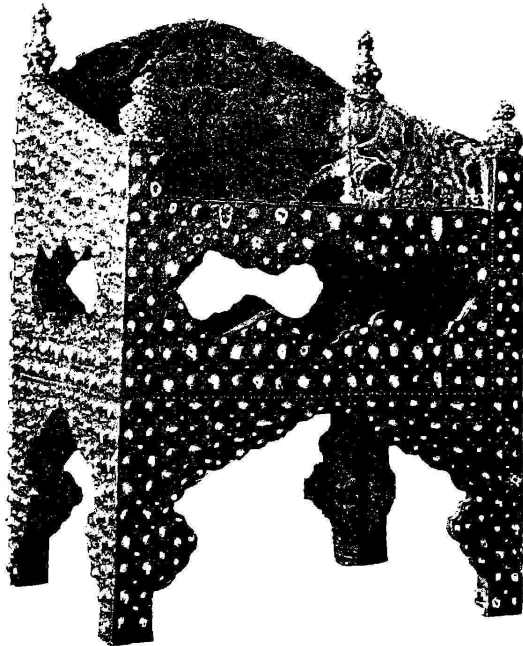
присяга подданныхъ. Вѣдь и послѣ этого князю Василю Шуйскому для своего воцаренія оказалось достаточнымъ лишь провозглашеніе царемъ въ Москвѣ и присяга на его имя подданныхъ, а избирательный земскій соборъ для передачи престола совсѣмъ не созывался.

Достопримѣчательно также, что и въ послѣдующее время народъ не взялъ на себя свергать сына перваго выборнаго царя Θεодора Борисовича Годунова, отдавая надъ нимъ судъ всецѣло и единственно тому, кого считалъ сыномъ Іоанна Грознаго—спасшимся будто отъ убійцъ царевичемъ Димитріемъ; освобожденіе же отъ власти Годуновыхъ казалось народу возвращеніемъ подъ власть безусловно законнаго, наслѣдственнаго, прирожденнаго государя «Милостію Божіей», а не чѣмъ бы то ни было избраніемъ. И низверженіе Шуйскаго, какъ увидимъ ниже, не было всенароднымъ, а было дѣломъ приверженцевъ Ляпунова, въ то время, какъ отъ крамоль и смуть все распаталось, всѣ измалодушествовались. Когда же русскіе люди, по знаменательному выраженію того времени, «достаточно наказались», народъ самъ возстановилъ у себя наслѣдственную самодержавную монархію въ лицѣ Михаила Θεодоровича Романова, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она создалась многолѣтнею исторіей, существовала при Іоаннѣ IV и его сынѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ.

Но послѣ этихъ общихъ разсужденій обратимся къ царствованію Бориса Θεодоровича Годунова.

Избраніе его на царство совершилось правильно. Раньше онъ былъ, какъ вы знаете, правителемъ государства при Θεодорѣ Іоанновичѣ, былъ братомъ той царицы, которой присягнула Москва, былъ призванъ на царство патріархомъ вмѣстѣ съ духовенствомъ, съ одобренія боярства и народа. Но онъ не принялъ этого призванія, и пришлось созывать въ Москву на такъ называемый земскій соборъ выборныхъ людей отъ областей и городовъ, и они вмѣстѣ съ правящимъ классомъ московскаго государства избрали его царемъ. И при этомъ Борисъ двукратно отказывается отъ этого высокаго избранія и принимаетъ его только тогда, когда патріархъ Іовъ съ крестнымъ ходомъ, съ Владимірской иконой Богоматери двинулся въ Новодѣвичій монастырь, когда народъ на колѣняхъ умолялъ его принять царство, когда царица инокиня благословила его на это. Правильнѣе этого никто не могъ быть избранъ на царство даже изъ тѣхъ, кто болѣе имѣлъ правъ на это, по древности и знатности своего рода и по близости къ царскому престолу. И народъ присягнулъ на подданство Борису, не какъ избранному на одно царствованіе, а какъ родоначальнику новой царской династіи; безъ всякихъ выборовъ, послѣ его смерти, русскіе люди присягнули и его наслѣднику и сыну Θεодору Борисовичу.

Въ день своего коронованія въ Успенскомъ соборѣ Годуновъ предъ лицемъ патріарха громко сказалъ: «Богъ свидѣтель, отче, въ моемъ царствѣ не будетъ нищихъ и бѣдныхъ». Взявшись за воротъ своей рубашки, прибавилъ: «и эту послѣднюю раздѣлю со всѣми». Но душа народная смущалась тѣмъ, что на Борисѣ Годуновѣ тяготѣло обвиненіе, что онъ былъ виновникомъ убіенія царевича Димитрія, и что онъ преступленіемъ несправедливо продолжилъ себѣ путь къ престолу. Однакоже нашъ народъ не присвоилъ себѣ суда надъ правильно избраннымъ и по преданіямъ

Тронъ Царя Бориса Θεодоровича.

вѣнчаннымъ на царство государемъ. По убѣжденіямъ народа, судить его могъ только Богъ или тотъ, кому по правдѣ и закону долженъ былъ принадлежать царскій скипетръ. И въ этомъ вы можете увидать, какъ далеко русскій народъ отъ мятежно-революціоннаго духа народовъ запада, поднимавшихся иногда на своихъ законныхъ государей, судившихъ ихъ. Свергнуть сына Годунова Θεодора Борисовича съ престола, освободить народъ отъ присяги ему на подданство могъ только тотъ, кто убѣдилъ народъ, что на его отческомъ и праотческомъ престолѣ несправедливо, какъ похитите-

ли его царства, возсѣли Годуновы, тотъ, кто удостовѣрилъ народъ, будто онъ спасшійся царевичъ Димитрій, прирожденный, наследственный государь. Народъ въ своемъ простодушіи не узналъ въ немъ обманщика — самозванца и пошелъ за нимъ противъ Годуновыхъ, какъ за своимъ законнымъ и прирожденнымъ государемъ. Это характернѣйшее явленіе нашего смутнаго времени, ярко рисующее духъ нашего народа, — отличіе нашего лихолѣтя отъ революціонныхъ движеній запада.

Семилѣтнее царствованіе Бориса Годунова (1598—1605) представляетъ поразительную картину того, какъ родоначальникъ новаго Царствующаго Дома выбивается изъ силъ устоять подъ тяжестью обгаревныхъ царственной кровью бармъ Мономаха и какъ падаетъ онъ подъ этимъ непосильнымъ для него бременемъ. Эта картина гениальными чертами нарисована нашимъ ве-

Печать Бориса Годунова.

ликимъ историкомъ Н. М. Карамзинымъ въ его Исторіи Государства Россійскаго и нашимъ великимъ національнымъ поэтомъ А. С. Пушкинымъ въ его исторической драмѣ: «Борисъ Годуновъ».

Мы не станемъ рассказывать подробно—какъ правилъ государствомъ Борисъ. Но дѣянія его обнаруживали умъ и добрыя заботы о благѣ народномъ. Онъ былъ миролюбивъ и не затѣвалъ войнъ, облегчалъ народу подати, щедро благотворилъ бѣднымъ и сиротамъ, заботился объ оживленіи торговли и промышленности, строилъ города, проводилъ дороги, хлопоталъ о правосудіи и порядкѣ въ управленіи, о просвѣщеніи народа, собирався вызывать иностранцевъ для обученія русскихъ разнымъ

— —

наукамъ и чужимъ языкамъ, посылалъ русскихъ учиться за границу. Первые годы правленія Бориса были вполне благополучны. Но вотъ Россію посѣщаютъ различныя бѣдствія. Съ 1601 года начался у насъ страшный неурожай, продолжавшійся два года подрядъ и вызывавшій сильный голодъ и моръ. Въ теченіе двухъ лѣтъ въ одной Москвѣ погибло до 127,000 человекъ. Бо-

Колокозня Ивана Великаго.

рисъ Феодоровичъ напрягалъ всѣ свои усилія помочь народу въ бѣдѣ, раздавалъ ему съ поразительной щедростью деньги и хлѣбъ, но это сзывало въ Москву массы народа и дѣйствительно нуждавшагося, и просто охочаго до дарового пайка; скупалъ хлѣбъ и приказывалъ продавать его по дешевой цѣнѣ; чтобы дать заработокъ народу, затѣвалъ новыя постройки.

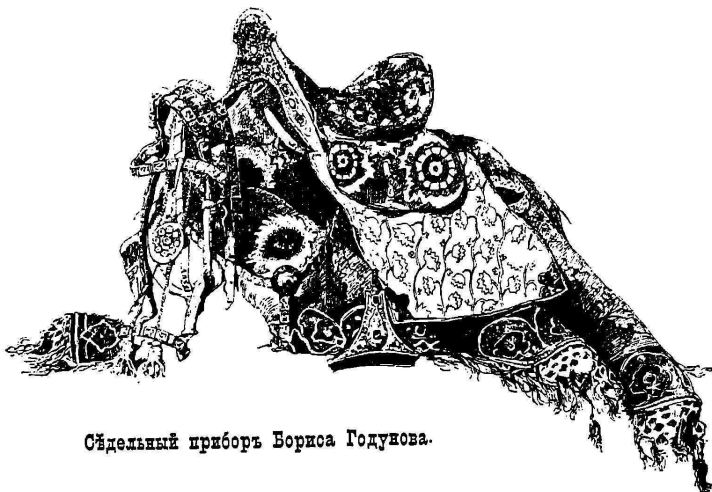
Памятникомъ этого является нашъ Иванъ Великій. Но ни хорошая правительственная дѣятельность, ни щедрая благотворительность Бориса не привязывали къ нему сердца народнаго, не успокаивали никого. Смутно говорили въ народѣ, что всѣ бѣдствія тогдашняго времени посланы Богомъ за кровь царевича Димитрія. И самъ Борисъ почувствовалъ себя не прочнымъ на престолѣ, омрачился въ душѣ своей, сталъ подозрителенъ, недовѣрчивъ, всюду видѣлъ измѣну. Одновременно съ бѣдствіями начались гоненія на выдающихся бояръ, которые прежде были близки къ престолу. Особенно тяжки были гоненія на бояръ Романовыхъ, родственниковъ угасшаго царскаго рода; ихъ несправедливо обвинили въ замыслахъ противъ царя и всѣхъ отправили въ заточеніе, а наиболѣе царственнаго изъ нихъ Θεодора Нпгитича постригли въ монахи въ Сійскій Алтоніевъ монастырь; постригли также въ монахини супругу его Ксеіію подъ именемъ Марѳы, а шестилѣтняго ихъ сына (будущаго царя) Михаила Θεодоровича съ его теткой и ея мужемъ княземъ Черкасскимъ сослалъ въ Бѣлоозеро.

Мрачно было въ душѣ Бориса и темно стало и въ сердцѣ народномъ. Какъ молнія, прорѣзала этотъ мракъ поразительная вѣсть, что царевичъ Димитрій не былъ убитъ въ Угличѣ, что вмѣсто него убили другого мальчика, а онъ спасся и теперь собирается гдѣ-то за рубежомъ Россіи идти на Бориса и возвратитъ себѣ похищенное у него царство. Все замутилось.

Вотъ какія рѣчи влагаетъ поэтъ въ уста Бориса Годунова, характеризую его настроеніе.

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно,
Но счастья нѣтъ душѣ моей...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной—
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ:
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами его любовь снискать,—
Но отложилъ пустое попеченье...
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вошь тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладь;
Народъ завывъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы, я злато

Разсыпаль имъ; я имъ сыскаль работы,
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ дома истребилъ,—
Я выстроилъ имъ новья жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;—
Какъ буря, смерть уноситъ жепиха;
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Винникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!..
Кто ни умреть,—я всёхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Теодора кончину,
Я отравилъ свою сестру-царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить,
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.—
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце яломъ,
Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ,
И все тошнить, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... Ужасно!
Да жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста.

Сѣделный приборъ Бориса Годунова.

Орудієм противъ Бориса и его рода явился самозванецъ, принявшій на себя имя спасшагося будто отъ убійць Димитрія царевича.

Кто подготовилъ самозванца, какъ орудіе для гибели Бориса и сверженія рода Годуновыхъ, — рѣшить трудно.

По русскимъ свидѣтельствамъ того времени, онъ былъ сыномъ стрѣлцаго сотника Богдана Отрепьева изъ города Галича и мальчикомъ жилъ на службѣ у разныхъ бояръ, научился грамотѣ, странствовалъ по монастырямъ и постригся въ монахи. Живя въ Чудовѣ монастырѣ, онъ, какъ грамотный и способный мальчѣ, попалъ къ патриарху для письменнаго дѣла въ крестовые дѣяки, бывалъ съ нимъ въ думѣ царской и отлично зналъ тогдашнее положеніе дѣлъ. Онъ сталъ говорить монахамъ неподобныя рѣчи: «знайте, что я буду царемъ на Москвѣ»..... Такія сумасбродныя слова, пугавшія слушателей своею дерзостью, дошли до высшихъ властей. Какъ безумца, Григорія Отрепьева не казнили, а отправили въ ссылку на вѣчное покаяніе въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Но сопровождавшій его дьякъ упустилъ его, а онъ бѣжалъ въ польскія владѣнія. Въ мѣстечкѣ Гоцѣ близъ Луцка, на Волини, онъ сѣлъ за латинскую грамматику, научился по-польски, потомъ ушелъ къ запорожскимъ казакамъ, гдѣ привыкъ владѣть мечомъ и конемъ и, наконецъ, поступилъ на службу къ польскому вельможѣ Адаму Вишневецкому; однажды онъ притворился опасно больнымъ, призвалъ духовника и просилъ, чтобы, въ случаѣ смерти, похоронили его, какъ царскаго сына. Это было передано Вишневецкому, которому Отрепьевъ показалъ бывшій на груди его драгоценный крестъ съ мощами и какую-то грамоту, говорившую, что онъ Димитрій царевичъ, спасшійся отъ убійць въ Угличѣ. Повѣрилъ или нѣтъ этому Вишневецкій, но онъ и паны польскіе, конечно, въ своихъ видахъ, стали поддерживать объявившагося у нихъ московскаго царевича. Одиъ изъ нихъ панъ Юрій Мншекъ сговорилъ за него дочь свою, красавицу Марину; по свадьба была отложена до вступленія Димитрія на русскій престолъ; католическіе монахи-іезуиты стали поддерживать самозванца у паны и короля польскаго Сигизмунда III, потому что онъ тайно принялъ католическую вѣру и обѣщалъ ввести ее въ Россію; король, рассчитывавшій, что Лжедимитрій сдѣлается орудіємъ польскихъ видовъ на Россію, принялъ его у себя, сталъ давать ему деньги и разрѣшилъ собирать себѣ войско изъ

польской шляхты. Вѣсти обо всемъ этомъ доходили до Москвы, чрезвычайно волновали Бориса Годунова, обрадовали нелюбившихъ его, да и всѣхъ русскихъ людей привели въ сильное возбужденіе. Годуновъ принималъ всяческія мѣры противъ успѣховъ самозванца. Онъ велѣлъ охранять отъ перехода польскую границу, патріархъ Іовъ отлучилъ самозванца отъ церкви и предалъ въ храмахъ анаѳемѣ. Борисъ издалъ грамоту, разоблачавшую его происхождение и самозванство. Въ ней онъ назывался бѣглымъ монахомъ Гришкой Отрепьевымъ. Но эти

Борисъ Годуновъ *).

мѣры не могли успокоить смуты въ умахъ, не могли удержать русскихъ людей отъ перехода на сторону объявившагося царевича, въ которомъ они искренно, хотя и неосновательно, видѣли законнаго, прирожденнаго, наслѣдственнаго государя, шедшаго отнять по праву принадлежавшій ему престолъ отъ похитителя власти. Конечно, къ самозванцу переходили многіе, не вѣря въ его царское происхождение. Это были смутьяны, замышлявшіе изъ замѣшательства въ своемъ отечествѣ извлечь свои выгоды.

По переходѣ самозванца чрезъ польскую границу въ русскіе предѣлы, къ нему примкнули казаки и подъ его знамена

*) Съ древняго портрета, находящагося въ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

стали стекаться и разные русскіе подонки и всё недовольные Борисомъ. Многіе города Сѣверской украины добровольно сдались самозванцу, какъ подлинному Димитрію. Но Новгородъ Сѣверскій, защищаемый воеводой Петромъ Басмановымъ, остался вѣрнымъ Борису и мужественно отбилъ отъ самозванца. Сюда подошло царское войско подъ начальствомъ князя Мстиславскаго. Но уже и ратными людьми овладѣло сомнѣніе, не поднимаютъ ли они рукъ противъ своего законнаго государя. По выраженію лѣтописи, у русскіхъ людей не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій потерпѣлъ пораженіе. На мѣсто этого раненаго воеводы посланъ былъ съ войсками князь Василій Ивановичъ Шуйскій и нанесъ пораженіе самозванцу при Добрыничахъ. Но воеводы не воспользовались этой побѣдой и дали Лжедимитрію оправиться при помощи новыхъ подрѣпленій. Сила

Печать Феодора Борисовича.

самозванца была не въ побѣдахъ, а въ слабости Бориса, — въ утратѣ въ народѣ вѣры въ законность царствованія Годунова; число приверженцевъ его таяло, а число сторонниковъ мнимаго Дмитрія расло. Самъ Борисъ чувствовалъ, какъ почва подъ нимъ колеблется и уходитъ изъ-подъ его ногъ и среди глубокихъ внутреннихъ волненій, въ самое критическое время, внезапно скончался. 13 апрѣля 1605 года Борисъ послѣ обѣда поднялся на вышку царскаго терема полюбоваться видомъ Москвы и внезапно почувствовалъ себя дурно: у него полилась изъ ушей и носа кровь, наскоро призвали врачей-иностранцевъ и патриарха. Тотъ едва успѣлъ возложить на него схиму съ именемъ Боголѣпа. Царь скончался. Въ его смерти увидали судъ Божій за кровь Димитрія царевича.

Однако и въ это тяжкое время, несмотря на охватившее